

В ПОИСКАХ КРАСОТЫ

ХУДОЖНИК ЛАВРЕНТИЙ БРУНИ, НАСЛЕДНИК ЛЕГЕНДАРНОЙ ФАМИЛИИ, РИСУЕТ БАЛЕРИН И ЦВЕТЫ. ИМЕННО ОНИ ВОПЛОЩАЮТ ДЛЯ НЕГО ГАРМОНИЮ

текст А Р Т Е М Л И П А Т О В

Судьба Лаврентия Бруни созвучна времени — и парадоксальным образом ему перпендикулярна. В эпоху расцвета современного искусства, занимающегося идеями и смыслами, а не изображениями, он последовательно фигуративен, если не реалистичен; представитель знаменитой фамилии, он несет ее с достоинством и в то же время ничуть не педалирует, даже временами прячется под прозрачным псевдонимом Лаврентий Б. Не говоря уже о том, что творческие и житейские достижения его категорически

опровергают давний миф о невосребованности и неустроенности художника как факторах, стимулирующих творческий процесс: выставки Лаврентия Бруни проходят в Женеве, Лондоне, Москве, Ницце, Малоярославце, Токио с неизменным успехом. К тому же он счастливо женат и является отцом пятерых детей.

...В начале XIX века швейцарский художник Антонио Бароффи Бруни, спасаясь от наполеоновских войск, обосновался с женой и детьми в Царском Селе, где получил ме-

сто «живописного и скульптурного дела мастера». Через несколько лет, уже обрусев и превратившись в Антона Осиповича, Бруни стал академиком Императорской Академии художеств. Его сын Федор Антонович, в свою очередь, занимал пост ректора академии. Династия Бруни продолжалась; в ней были художники и архитекторы, священники и журналисты — но все они так или иначе имели отношение к искусству.

Предками Лаврентий гордится, но при этом не старается специаль-

но нести семейное бремя. «Я очень уважаю всех своих предков: у нас так принято в семье изначально, чтобы младшие уважали старших. Но у меня нет ответственности за поколения, за тех, кто был до меня! Я проявляюсь так, как могу, я не стараюсь сделать лучше деда и прадеда — потому что они всегда для меня будут лучше. Я делаю то, что делаю, для них — как дети рисуют для родителей. Потому что они — мои дедушка и прадедушка. И все!»

Стоит отметить, что формального художественного образования у Бруни нет. И это не случайность, а сознательный выбор. Некоторое время он посещал как вольнослушатель мастерскую плаката в Суриковском институте, параллельно занимаясь классическим рисунком в студии Юнуса Каримова. Именно тогда, ощутив контраст между рутинной институтом, ровнявшей под одну гребенку самых разных студентов, и свободным рисованием под руководством талантливого и харизматичного мастера, он сознательно выбрал путь самообразования. Конечно, в этом был отчасти элемент юношеского максимализма и азарта, попытка доказать, что и без диплома Суриковки можно стать художником, — но максимализм этот был подкреплен абсолютной уверенностью в собственной правоте.

«В Каримове была мощная энергия внутри, которую он передавал и всех заводил. Именно тогда я почувствовал драйв, внутренний рост — маленький, но стабильный, — и веру в себя. А это самое важное в ученике. Это было как просветление, в одночасье произошло: я вдруг понял, что это мое. Да, семья, корни, все так, но настоящий драйв получаешь, когда есть вера в собственные силы. Захотелось рисовать, отдавая этому максимальное количество времени. Это было тяжело: по четыре часа в будни, по восемь в выходные, — но это был настоящий труд, тот самый, от

которого испытываешь счастливую усталость и подъем».

Помимо практических занятий, Бруни постоянно занимался самообразованием: сначала по альбомам с репродукциями, потом, когда открылись границы, — посещая музеи. Еще одной формой образования можно назвать тесное общение с братьями по цеху. Тогда, в 1980-х, Лаврентий Бруни прошел искушение авангардным искусством. Конечно же, трудно было не

ставлял, в частности, большую инсталляцию, которая представляла собой огромные снежинки, выполненные в форме противотанковых ежей. Это было парадоксально, эффектно и необычно, однако сам художник считает работы того времени не более чем упражнением в форме.

«Это искусство, которое очень быстро умирает... И мне оно не очень интересно. Я сторонник рифмы в искусстве, хотя все запад-

Я НЕ СТАРАЮСЬ СДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ ДЕДА И ПРАДЕДА — ПОТОМУ ЧТО ОНИ ВСЕГДА ДЛЯ МЕНЯ БУДУТ ЛУЧШЕ. Я ДЕЛАЮ ТО, ЧТО ДЕЛАЮ, ДЛЯ НИХ — КАК ДЕТИ РИСУЮТ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

подпасть под обаяние внезапно открывшихся горизонтов свободы, тем более что многие близкие друзья художника входили в известный «Клуб авангардистов». Они приглашали Бруни принять участие в их выставках, и небезуспешно — он вы-

шлое искусство давно отказалось от рифмы. Именно поэтому у меня — холст и краски, а не инсталляции... Актуальное искусство существует, и у меня для него даже есть определение: это искусство жеста. Есть люди — их очень мало, — которые в совершенстве владеют этим искусством, но, к сожалению, очень много шарлатанов, которые этим пользуются. Меня всегда влекло к гармонии, к созиданию чего-то красивого и открытого. А открывать что-то новое... Я не открыватель. Я из более традиционного мира. Я восхищаюсь больше прошлым, чем будущим. Вернее, так: будущее меня страшит, настоящим я живу, а прошлое меня восхищает».

В настоящем Лаврентий Бруни сосредоточен на нескольких главных темах. Вернее — на двух: женщинах и цветах. В начале 2000-х он выставлял ростовые полотна с обнаженной натурой, перемежая их крупными изображениями деталей цветов. Цветы, как символ и воплощение самого представления о красоте, остались, но сегодня художника влечет стихия танца. Легкие и светлые балерины Бруни объездили полмира. Они не персонафицированы, хотя в качестве

моделей выступали солистки двух театров: Большого и Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

«Для меня балерины — это продолжение восхищения женской красотой в более изысканных ее проявлениях. У них другая пластика и другая красота; их линии совсем другие, другой рисунок тела. На сцене они словно пустотелые — и в то же время невероятно графичны, их движения — как рисунок».

Балерины Бруни выполнены в легкой технике: он использует акварель, тушь, сангину, потому что, по его мнению, «масло утяжеляет балет». В них чувствуется не только поэзия и нездешность, о которой он говорит, но и внезапность остановленного мгновения, чудо впечатления, которое играет для него очень большую роль.

Немаловажно в балетном проекте и то, что первый его показ состоялся во время короткой экспозиции в доме Муравьевых-Апостолов на Старой Басманной: наследник старинного дворянского рода, живущий ныне в Женеве, но реставрировавший особняк, предложил еще не законченные интерьеры для вы-

ставки. Художественный образ русского балета, безусловного вклада страны в мировую культуру, воплощенный в русской рисовальной традиции, явился свету в атмосфере классического «дворянского гнезда». Кто-то из журналистов назвал работы Бруни гигантскими набросками. Довольно точное определение — за одним исключением: в них есть абсолютная законченность.

Что до размеров полотен, то тут у художника есть своя теория. «Почему я стал писать цветы большого размера? Потому что это очень сложно. И к тому же раньше краска стоила очень дорого, красную привозили из Китая, синюю — из Индии, еще какую-то — из Греции. Вот, к примеру, Караваджо красным убивает сразу. У него что-то желтое, написанные лица, — а остальное все красного цвета. Это в ту пору поражаало людей, потому что красный цвет был царским атрибутом. Покрасить ткань стоило сумасшедших денег! А сегодня работают заводы, которые эту краску тоннами производят. Но кончилось то время, сейчас уже новое, значит, нужно работать по-другому. В другом масштабе».

С цветом у Бруни вообще свои отношения. Некогда, поняв, что публике нравится в его работах использование ярких, чистых цветов, он решил испытать и себя, и публику. Он задал себе вопрос: есть ли в нем что-то данное свыше или художник Лаврентий Бруни — это лишь сумма одаренности, трудолюбия и умений? Вопрос страшный, не каждый решается его задать — но

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Л. БРУНИ

при этом он встает рано или поздно перед любым настоящим художником. Чтобы перестать быть заложником цвета, Бруни нарисовал большой черный букет.

родной истории прежде всего продолжение испытаний, которые он устраивает сам себе.

«Выставляться за границей — это проверка. Ведь там ты восприни-

и тут поправить, и здесь... А там они стали мне нравиться! Там такой воздух и такая среда, что ты начинаешь всем восхищаться. В каждой стране своя удивительная среда и своя культура, которая влияет на восприятие. И это неоценимый опыт».

Неуспокоенность — залог развития, считает Лаврентий Бруни, а развитие для него неизменно поверяется вечным стремлением к красоте и гармонии. Именно поэтому он сознательно отказывается следовать уже наработанному, понятному, привычному, рвет с прошлым, сжигает мосты. И неуклонно идет вперед.

«Очень, конечно, хочется иногда сделать выставку типа greatest hits, как у музыкантов, собрать все лучшее — но у художников это обычно состояние юбилейное или, того хуже, посмертное. А пока жив, ты не имеешь на это права. Пусть лучше кто-нибудь потом сделает».

МОИ БАЛЕРИНЫ – ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСХИЩЕНИЯ ЖЕНСКОЙ КРАСОТОЙ В БОЛЕЕ ИЗЫСКАННОМ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИИ. У НИХ ДРУГАЯ ПЛАСТИКА И ДРУГАЯ КРАСОТА, ДРУГОЙ РИСУНОК ТЕЛА

«Главные вопросы ты задаешь себе сам. Хочется не быть случайным, понять, на какой ступеньке ты стоишь... Мой черный букет — это было такое месиво красок, с бликами, черный на черном фоне. Он очень хорошо прозвучал в Манеже — и я выдохнул».

За последний год работы Лаврентия Бруни побывали в Англии, Швейцарии, Японии — и не просто побывали, а снискали внимание и очень положительные отклики. Художник видит в своей междуна-

маешься по-другому, чем здесь, где все знакомо, где тебя знают. В Японии это было особенно интересно. За год до выставки меня многое раздражало: помещение слишком геометричное и слишком холодное, сам музей кажется искусственным, неживым. А сейчас экспозиция на эти стены села сама собой, не было никаких сомнений, что куда вешать. Да что там, мне впервые понравились собственные работы! Обычно нравится процесс, а потом все время кажется, что можно еще